

И.А. Ладынин, О.Л. Габелко, Ю.Н. Кузьмин

**НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ДИНАСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА?
РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ МОНОГРАФИИ Д. ОГДЕНА**
(*Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties.*
London; Swansea: Duckworth – The Classical Press of Wales, 1999.
XXXIV, 317 p.)*

История эллинизма принадлежит к числу тем, пользующихся сейчас особым вниманием в антиковедении; свидетельством этого являются многие десятки и даже сотни работ, непрерывно выходящие в свет на самых разных языках. Казалось бы, в такой ситуации трудно ожидать появления каких-то кардинально новых подходов, материализующихся в публикации обобщающих исследований по проблемам, не получившим до сих пор достаточного освещения в мировой историографии. Тем не менее, следует констатировать, что книга д-ра Дэниэла Огдена, исследователя работающего сейчас в университете г. Экзетер (Великобритания), представляет собой именно такое явление: солидных работ по династической истории эллинизма в мировом антиковедении совсем не много¹.

Обращение английского исследователя к проблематике, заявленной в заглавии монографии (надо сказать, весьма своеобразном) выглядит вполне логичным в свете его научных интересов. Например, Д. Огден является автором монографии, посвященной представлениям греков о незаконнорожденности², а также одним из редакторов (наряду с С. Ле Бозек) солидного коллективного труда по истории эллинизма³. Соответственно, тема рецензируемой книги находится как бы на стыке двух из направлений его научной деятельности; оттого можно полагать, что она выдержала некоторую проверку временем, что заставляет отнестись к методам Д. Огдена с особым вниманием.

Поскольку подход автора претендует на известную степень универсальности и представляется очень важным для уяснения сущности мно-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 05-01-01225а «Институты монархии в эллинистическом мире (V-I вв. до н.э.): эволюция, региональные особенности, атрибутика». Авторы выражают искреннюю признательность к.и.н. Л.Ф. Недашковскому (Казанский государственный университет), благодаря любезности которого они получили возможность познакомиться с рецензируемой книгой Д. Огдена.

¹ Необходимо, конечно, упомянуть монографии Г. Макардди и Я. Зайберта (*Macurdy G.H. Hellenistic Queens: A Study of Women-power in Macedonia, Seleucid Syria, and Ptolemaic Egypt. Baltimore, 1932; Seibert J. Historische Beiträge zu den Dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden, 1967*; вторая из них представляет, строго говоря, комментированный справочник по известным на тот момент династическим альянсам эпохи эллинизма). Кроме того, в 2000 г. увидела свет книга Э. Кэрни «Женщины и монархия в Македонии» (*Carney E.D. Women and Monarchy in Macedonia. Norman, 2000*), многие аспекты династической политики Теменидов/Аргеадов и Антигонидов были рассмотрены по-иному, нежели в монографии Д. Огдена. Уже в начале нового столетия были защищены две диссертации по сходной проблематике: *Whiteley R. Courtesans and Kings: Ancient Greek Perspectives on Hetairai. Univ. of Calgary, 2000; Nourse K.L. Women and the Early Development of Royal Power in the Hellenistic East. Univ. of Pennsylvania, 2002* (в обоих исследованиях имеются ссылки на рецензируемую монографию Д. Огдена).

² *Ogden D. Greek Bastardy in the Classical and Hellenistic Periods. Oxf., 1996.*

³ *The Hellenistic World: New Perspectives / Ed. by D. Ogden, S. Le Bohec-Bouhet. L., 2002.*

гих принципиальных событий истории эллинистического мира, то, как мы надеемся, выйдут вполне понятным решение трех исследователей, занимающихся различными проблемами истории эпохи эллинизма, совместно провести детальный разбор основных положений его книги, – даже если он выйдет по объему и тщательности анализа за рамки стандартной рецензии. При этом авторы данной работы не ставят своей целью дать обзор и анализ всего материала, имеющегося в книге: основное внимание будет уделено лишь наиболее важным моментам собственно династической истории эллинистических держав, разбираемых автором в первой части монографии: «Полигамия и смерть при македонском и эллинистических дворах» (она включает семь глав, посвященных соответственно Аргеадам до Филиппа II включительно, Александру, Кассандру и Лисимаху, Птолемеям, Селевкидам, Антигонидам, Атталидам)⁴.

Итак, в чем же суть концепции Д. Огдена, которая, с его точки зрения, может объяснить практически все ключевые моменты династической истории эллинистических государств? Она ясно и доходчиво изложена автором в разделе книги, названном (весьма симптоматично, но несколько непривычно для российского читателя) “Argument” (р. IX–XXIV). Здесь Д. Огден и формулирует тезис, от которого он отталкивается в ходе дальнейшего исследования. По наблюдению ряда исследователей, всецело воспринятому автором рецензируемой монографии, характерной чертой династии Аргеадов архаичной, «доалександровой» Македонии была полигамия; соответственно, перманентной проблемой царского дома были раздоры между детьми царя по вопросу о наследовании власти. Максимальная лояльность в рамках этой династии наблюдалась между сыновьями царя и их матерями, стремящимися возвести их на престол; следующая «градация» династической лояльности была представлена отношениями между детьми царя от одной женщины; и, наконец, самой благодатной почвой для династических конфликтов («амфиметрических», по терминологии Огдена – р. X) были естественные противоречия между детьми царя от разных браков. По мнению исследователя, именно такие амфиметрические конфликты были унаследованы от дома Аргеадов эллинистическими династиями; и степень успеха в их преодолении определяла стабильность каждого царского дома. Схема

⁴ Информация о царских гетерах/куртизанках (методика исследования, освещение их статуса, карьеры и деятельности), собранная во второй части книги (р. 215–273), а также в двух приложениях (размещение куртизанок в царских дворцах – р. 273–277; сводка данных источников о куртизанках, известных в связи с различными эллинистическими монархами – р. 278–281) здесь специально анализироваться не будет. Стоит лишь отметить, что в целом этот материал достаточно оригинален, а анализ его проведен исследователем на высоком уровне, хотя некоторое сомнение вызывает стремление Д. Огдена «повысить» роль и значение гетер при эллинистических царских дворах (примеры чего будут приведены в дальнейшем).

Во второй части книги автор затрагивает и вопрос о значениях имен и прозвищ ряда гетер. Некоторые из них он склонен связывать с практиковавшимися гетерами позициями при половых актах. Например, имя Леэна (Λέαινα – «Львица»), по мнению Огдена: *may have been intended to evoke the sexual position of the same name, perhaps equivalent to our “doggy style”* (р. 260–261). Схожее объяснение Огден предлагает и для имен с основой ἰππ-, связывая их с позицией κέλῆς (хотя возможным считает и аристократическое происхождение этих имен – с. 250, что, конечно, более правдоподобно). Замечание по поводу имени (или, скорее, прозвища) Λέαινα достаточно интересно (ср.: Aristoph. *Lys.* v. 231–232; Luc. *Dial. meretr.* 5), однако столь узкая «рабочая специализация» гетер, якобы влиявшая даже на их прозвища, все же вызывает определенные сомнения.

довольно стройная и логичная, но выдерживает ли она проверку данными источниками?

На наш взгляд, вынесение подобного тезиса едва ли не в заголовок столь обширной по своему замыслу и охвату работы грешит недооценкой сразу нескольких моментов, каждый из которых вполне фундаментален. Прежде всего, само наблюдение о полигамии и «амфиметрических» конфликтах как характерной черте дома Теменидов/Аргеадов не стоило бы абсолютизировать. Достаточно взглянуть на сводку таких конфликтов в том же вступительном разделе работы Д. Огдена (р. XIII), чтобы заметить, что более половины из них приходится на эпизоды передачи власти от Аминты III к Филиппу II и от него к Александру, а также на время Александра и эпоху диадохов. Между тем достаточно понятно, что нельзя рассматривать в одном ряду династические конфликты, имевшие место до воцарения Александра Великого, в его эпоху и после нее, по элементарной причине резких различий в политических и идеологических условиях, в которых эти конфликты проходили (об этом мы еще скажем ниже).

Далее, династические конфликты внутри дома Теменидов/Аргеадов (особенно в эпоху диадохов) невозможно оторвать от попыток прежних полководцев Александра породниться с этой династией (переговоры Пердикки о браке с сестрой Александра Клеопатрой, брак Кассандра и побочной дочери Филиппа II Фессалоники, наконец, попытки сватовства Птолемея, Лисимаха и Антигона к Клеопатре уже в последнем десятилетии IV в. до н.э.)⁵. Соответственно, удивительно, что Д. Огден игнорирует как эти попытки, так и их «идеологическую основу» – установленное Н. Хэммондом представление о сакросанктном характере власти македонских царей, связанным с их происхождением от Геракла, и о возможности приобщиться к ней, породнившись с их родом⁶. Между тем, это представление было важнейшим фактором династической борьбы в эпоху диадохов; утрата же его актуальности с пресечением дома Теменидов/Аргеадов должна была повлечь очень существенную перестройку во всей системе династических отношений в нарождавшемся эллинистическом мире (собственно говоря, привести к подлинному конституированию эллинистических династий, уже не стремящихся «приписаться» к дому Александра).

Однако самым серьезным возражением против намеченного Д. Огденом подхода будет, пожалуй, тот бесспорный факт, что с эпохи Александра династическая история Теменидов/Аргеадов в значительной мере выходит далеко за рамки чисто македонской традиции; несомненно, что это справедливо и по отношению к эллинистическим династиям, пришедшим на смену дому Александра. Прежде всего, все браки Александра связывали его с женщинами Востока, и уже по этой причине они едва ли должны рассматриваться исключительно в свете македонской

⁵ См. очень удобную сводку источников по данным эпизодам в книге Р. Хэдди: *Hadley R.A. Deified Kingship and Propaganda Coinage in the Early Hellenistic Age*. Philadelphia, 1964. P. 22. Note 63–65.

⁶ *Hammond N.G.L. The Macedonian State: The Origins, Institutions and History*. Oxf., 1989. P. 16–18 (о божественном происхождении Теменидов/Аргеадов), 21–24 (о религиозных функциях македонских царей и их династическом характере).

полигамии, как это пытается сделать Д. Огден (глава II его работы, посвященная времени Александра, – р. 41–52).

Гораздо более важно следующее: по крайней мере с момента решающих побед над персами в 331 г. до н.э. Александр стремился создать беспрецедентное в истории межрегиональное государство с синкретической идеологией, основанной на его культе и адресованной не только македонянам, но, как минимум, еще и грекам (мы сознательно отделяем эту эллинизированную составляющую его идеологии от той, что была адресована его восточным подданным, поскольку последняя не была инновативной и, по сути дела, сводилась к воспроизводству уже сложившейся восточной традиции)⁷. При жизни Александра именно его культ был надежным (похоже, даже закрепившимся в идейном арсенале Аристотеля: *Pol.* III.8.1. 1284 а 4–12; 11.13. 1288 а 26)⁸ обоснованием его прав на абсолютную власть как перед македонянами, так и перед эллинами. После смерти Александра его культ был, судя по всему, использован Олимпиадой для властного вмешательства в македонскую династическую традицию и обоснования исключительного права на царскую власть за ветвью Теменидов/Аргеадов, порожденной знаменитым соединением Олимпиады и Зевса-Аммона в обличье змея⁹. Между тем, Д. Огден практически не задается вопросом о том, в какой мере эти идеологические факторы воздействовали на расстановку сил в доме Александра в его время и на исходе его существования. Когда же к первым десятилетиям III в. до н.э. система эллинистических государств сформировалась, должно было обнаружиться следующее: тот уклад жизни и адекватное ему мировоззрение, в которых существовала архаическая монархия Теменидов/Аргеадов до Александра, сохранились разве что в Македонском царстве III в. до н.э. (хотя и там, бесспорно, *mutatis mutandis*). В царствах эллинистического Востока власть представителей правящих в них династий вышла уже на качественно иной уровень по сравнению с доалександровой Македонией. Вместе с тем определяющими для сознания подданных восточных эллинистических государств – греков и македонян, слившихся в единую, возвышающуюся над коренным населением этих стран, общность, – были не старомакедонские нравы и установления, а скорее полисное сознание (достаточно назвать теперь уже классические работы Г.А. Кошеленко, выявившие роль полиса в эпоху эллинизма на территориях от Западной Малой Азии до Бактрии)¹⁰ и некоторые идеологические новации эллинизма (например, в Египте – династический культ Птолемеев, содействовавший выработке ощущения единства у всех их подданных, принадлежащих к эллинской

⁷ Ладынин И.А. Прижизненный царский культ Александра Великого: к проблеме соотношения египетских и греческих компонентов // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. М., 2001. С. 200–225; *Ladynin I. The Olympic Games of 324 B.C. and the Unification of Lands under Alexander's Sway // Les Jeux Olympiques dans l'antiquité / Sous la direction de V.I. Kuzishchin. Athènes, 2004. P. 161–184.*

⁸ Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 55; 356. Прим. 12.

⁹ Ладынин И.А. Сюжет рождения Александра Великого от змея: к вопросу о времени и исторических условиях возникновения // ААе. 2005. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. С. 28–41.

¹⁰ Кошеленко Г.А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане в 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 1. С. 59–78; он же. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

культуре, как в немногих полисах, так и на хоре, вплоть до возможности «подключения» к этой форме общественного сознания эллинизированных египтян)¹¹. В связи с этим важнейшее значение времени Александра видится, конечно, в том, что именно на его протяжении понятие абсолютной власти царя оказалось включено (с принципиальной точки зрения, впервые со времени разложения еще в начале архаики древнейших царских династий в греческом мире!) в сознание людей эллинского круга не как антиценность. Однако между подобной принципиальной переменной в сознании и выработкой реальной, если угодно, обиходной, практики отношений как между царем и подданными, так и между царскими династиями и внутри них не могла не пролегать дистанция весьма внушительного размера. Именно невыработанность подобной политической, в том числе династической, практики эллинистической монархии, то, что ее институты в течение минимум первой половины III в. до н.э. не могли не оставаться на стадии становления, и должно было предопределить многие коллизии внутри царских династий, по крайней мере, не в меньшей степени, чем располагающий к ним, по мнению Д. Огдена, традиционный уклад дома Теменидов/Аргеадов. Кстати, не стоит сбрасывать со счетов и то, что сама рецепция этого уклада династиями, идущими от сподвижников Александра, не могла быть совершенно автоматической, коль скоро обоснование их преемственности от древней македонской династии было возможно в лучшем случае на уровне фикции, а существовали они в совершенно иных исторических условиях, чем архаичная македонская монархия¹².

¹¹ См. об общегосударственном эпонимном культе Александра и обожествленных чет Птолемеев: *Isewijn J. De sacerdotibus sacerdotisque Alexandri Magni et Lagidarum eponymis*. Bruxelles, 1961; *Clarysse W., van der Veken G.* (with the assistance of *S.P. Vleeming*). *The Eponymous Priests of Ptolemaic Egypt*. Leiden, 1983 и ниже литературу, указанную в прим. 17.

¹² Мы еще скажем по поводу фикции происхождения Птолемея Сотера от Теменидов/Аргеадов; из других идеологических конструкций сходного назначения нужно назвать возникшие применительно к Селевку I Никатору легенды о том, что его первая жена Апама была дочерью Александра и Роксаны (см. ниже), о его рождении от Аполлона, якобы удостоившего близости его мать (Just. XV.4.3), по полной аналогии с рождением Александра от Аммона (см. выше наше прим. 9), а также о том, как незадолго до смерти Александра ему довелось возложить на голову его царскую повязку и приобщиться тем самым к его статусу (App. *Syr.* 56). Похожая легенда – о перевязке царской повязкой Александра кровоточащей раны – возникает применительно к Лисимаху (App. *Syr.* 64); кроме того, он взял к себе на службу Онесикрита, создавшего об Александре произведение, сказочно-апологетический характер которого вызывал порой улыбку у самого его заказчика (Plut. *Alex.* 46; *Мариневич Л.Л.* *Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма)*. М., 1982. С. 27). Лисимах начал активно пропагандировать идею божественного происхождения Александра в своем характерном монетном чекане с изображениями царя на аверсе в диадеме и с «рогами Аммона» (*Mørkholm O.* *Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander the Great to the Peace of Apamea (336–188 B.C.)*. Cambridge, 1991. P. 81; Pl. 178–179, 181–182). Легко заметить, что уже на протяжении эпохи диадохов легитимирующий их царский статус характер приобретает даже не происхождение от Теменидов/Аргеадов, а преемство непосредственно от Александра, в том числе на уровне элементарной связи вех их собственных биографий с деяниями царя (ср. в идеологии Птолемея место Александра в системе их династического культа – см. наше предыдущее прим.; а также: Theocr. XVII.18–19; ср., однако: *ibid.* 20–27: о происхождении как Александра, так и Птолемея от Геракла, предполагающем сакросанктный характер власти обеих династий; ср. также историю с диадемой Александра и Селевка – *Arr. Anab.* VII.22.5). В этой связи имело бы смысл уделить внимание местным культам Александра в эллинистическую эпоху

Мы уже отчасти затронули вторую главу монографии Д. Огдена, посвященную династическим коллизиям времени Александра Великого. К уже сказанному стоит добавить, что, пожалуй, некоторое недоумение вызывает педантизм, с которым автор включает в перечень связей Александра с женщинами его встречи с эфиопской царицей Кандакой и предводительницей амазонок Фалестридой, «засвидетельствованные» соответственно в «Романе» Псевдо-Каллисфена и в традиции, идущей от Онесекрита (причем, если последний эпизод Огден внятно называет фикцией, то в отношении первого он от этого почему-то воздерживается – р. 42).

Двум «несостоявшимся» династиям – Кассандра и Лисимаха – посвящена третья глава монографии Д. Огдена. Основное внимание исследователя здесь привлекают два сюжета. Первый – конфликт между младшими сыновьями Кассандра Антипатром и Александром IV, являющийся одним из примеров борьбы между неамфиметричными братьями. В связи с этим Д. Огден замечает: было бы заманчиво предположить, будто у Антипатра и Александра были разные матери, однако он признает, что источники однозначно свидетельствуют о том, что сыновья Кассандра были рождены одной женщиной – Фессалоникой, дочерью Филиппа II (р. 56). Второй сюжет посвящен династической борьбе в семье Лисимаха между его последней женой Арсиной и сыном (от более раннего брака – с Никеей) Агафоклом, закончившейся гибелью последнего (р. 60–62).

В итоге, под влиянием как внутренних, так и в большей степени внешних факторов, оба царских дома не пережили своих основателей: сыновья Кассандра управляли Македонией лишь несколько лет после его смерти (до 294 г. до н.э.), а династия Лисимаха на нем и закончилась в 281 г. до н.э.

Четвертая глава монографии Д. Огдена, посвященная династической истории Птолемеев, начинается с обращения к не очень известной фикции, возводящей рождение Птолемея Сотера к адюльтеру супруги Лага Арсиной и Филиппа II. Оценивая этот топос, отразившийся у Павсания (I.6.2; 1.6.8), отчасти у Курция Руфа (IX.8.22) и в словаре «Суда» (s.v. Λάγος), Огден почему-то называет попытку Птолемеев легитимировать таким образом свой царский статус «парадоксом» (р. 67; на самом деле, учитывая представления о сакросанктной власти Теменидов/Аргеадов, она выглядит вполне здраво, хотя, по самой своей специфике, едва ли могла иметь вполне официальный статус) и совершенно напрасно проходит мимо его реплики в «Романе об Александре» (Ps.-Call. A. III.32). Между тем именно эта – вероятно, древнейшая, восходящая еще к александрийской традиции III в. до н.э.¹³, – реплика данного топоса позволяет должным образом оценить его истоки. На самом деле, гетерогенность традиций, проявившихся разом в этой фикции, трудно охарактеризовать в немногих словах: здесь сошлись вместе и стремление диадохов, памятовавших о сакросанктном характере монархии Теменидов/Аргеадов, так или иначе «приписаться» к их дому (см. выше), и чисто египетский прием легитимации власти иноземного правителя

(см. сводку в книге Х. Хабихта: *Habicht Ch. Gottmenschentum und griechische Städte*. 2. Aufl. B., 1970. S. 17–36), однако эта задача заведомо выходит за рамки нашей рецензии.

¹³ *Berg B. An Early Source of the Alexander Romance // GRBS*. 1973. Vol. 14. P. 386.

(вспомним, что начинается «Роман» с еще одной очевиднейшей фикции – рождения Александра от последнего фараона XXX династии Нектанеба II¹⁴ – !), и элементы нарождающегося в государстве Птолемеев в начале III в. до н.э. их династического культа, краеугольным камнем которого был как раз культ Александра (см. ниже). На наш взгляд, подобный состав этого пропагандистского топоса – это еще один убедительный довод не в пользу предпринятого Огденом опыта объяснения закономерностей династической истории эллинизма на основе только македонской традиции.

По сути дела, сквозной идеей Д. Огдена при анализе материала по династической истории Птолемеев оказывается тезис об особой роли женщин, принадлежавших к этой династии, в ситуациях передачи власти. По мысли исследователя, столкнувшись с «типично амфиметрическим» конфликтом (между детьми Сотера Птолемеем Керавном и будущим Филадельфом), Птолеми, с эпохи Филадельфа, попытались ввести практику кровнородственных браков между братьями и сестрами, потомство от которых должно было располагать незыблемыми правами на царский престол. Однако во II в. до н.э. подобная практика приводит к конфликтам внутри «полиандрического» семейства Птолемея VI Филометора, Птолемея VIII Эвергета II/«Фискона» и Клеопатры II (во вступном разделе Огден почему-то причисляет к «полиандрическим семействам» также и Птолемея IX, и Птолемея X, хотя далее эта мысль не получает развития по той понятной причине, что на самом деле эти цари не были связаны браками с одной и той же представительницей своего рода – см. р. XI и далее р. 87–99)¹⁵. В подобной ситуации принципиальное значение, по мнению Огдена, приобретает положение царицы, остающейся единственным стабильным носителем династической легитимности в условиях борьбы между ее братьями-супругами; и автор не жалеет сил для описания подобного положения, якобы достигнутого Клеопатрой II в условиях борьбы между Филометором и будущим «Фисконом» (середина II в. до н.э. – р. 86 f.). Именно этот прецедент, по мнению Огдена, способствовал укреплению авторитета царицы в династической практике Птолемеев, который ощущался вплоть до конца истории этой династии.

То, в какой мере эти построения Д. Огдена не выдерживают критики, представляется поистине поразительным! Начать хотя бы с того, что авторитет супруги царя был стабильно велик на протяжении всей истории Птолемеев: чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы то место, которое образы Береники I и Арсиной II занимают в знаменитой XVII элегии Феокрита, а образ Береники II – в произведениях Кал-

¹⁴ См. только в отечественной литературе: *Струве В.В.* У истоков романа об Александре // Восточные записки. Л., 1927. Т. 1; *Кинжалов Р.В.* Легенда о Нектанебе в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского» // Древний мир. Сб. стат. в честь акад. В.В. Струве. М., 1962; *Коростовцев М.А.* Египетское происхождение романа об Александре // КСИНА. 1964. Вып. 65. Об аналогичном опыте легитимации власти над Египтом Камбиза см. теперь: *Ладынин И.А.* Легенда о египетской царевне Нитетис (Hdt. III.1–2; Athen. XIII.560d–f) в политико-историческом контексте VI в. до н.э. // АМА. 2006. Вып. 12. С. 33–42.

¹⁵ См. чрезвычайно удобную сводку династической последовательности Птолемеев в монографии Г. Хёльбля: *Hölbl G.* A History of Ptolemaic Empire. London; New York, 2001. Stemmas 1–2. Мы также систематически используем изложение фактографического материала в данном издании, которое считаем лучшим за 1990-е – начало 2000-х обобщением политической истории и религиозно-идеологического развития державы Птолемеев.

лимаха (в том числе в знаменитом «Локоне Береники»). Далее, для того, чтобы убедиться в предпосылках подобного положения женщины в македонских династиях, стоило бы вернуться как раз к столь востребованной в труде Огдена практике дома Теменидов/Аргеадов и вспомнить, сколь активную роль в коллизиях его истории играли его представительницы (причем отнюдь не только знаменитая Олимпиада!)¹⁶. Наконец, как признает при обращении к фактическому материалу сам исследователь, о реальной практике кровнородственных браков в доме Птолемеев, нацеленной на упорядочение передачи царской власти, говорить не приходится: так, наследником знаменитой четы Птолемея II и Арсиной II, при которой, по мнению Д. Огдена, данная практика была замыслена, стал сын Филадельфа от первого брака – Птолемей III (р. 74–75), а в дальнейшем единственным на всю историю династии наследником престола от кровнородственного брака брата и сестры оказывается сын четы Филопаторов Птолемей V Эпифан. Заметим, что Огден не счел нужным задаться вопросом: какие, собственно говоря, препятствия имелись для конфликта внутри поколения потенциальных наследников престола не от разных, а от одного, хотя бы и кровнородственного брака, при том, что история дома Птолемеев знала примеры поразительной жестокости не только между братьями, но и между родителями и детьми? Что касается якобы особого положения Клеопатры II в будто бы «полиандрических» династических коллизиях середины II в. до н.э., то непредвзятый взгляд на их обстоятельства показывает, что реальное противостояние между ее супругом-братом Филометором и другим их братом, будущим «Фисконом», в течение жизни первого из них (до 145 г. до н.э.) велось по поводам, нимало не связанным с этой женщиной! О том, сколь «необходимым» для легитимации власти Птолемея VIII Эвергета II/«Фискона» оказался брак с нею после смерти Филометора, следует судить, по видимому, по тому, что в течение нескольких лет после его заключения началась близость этого царя с ее дочерью Клеопатрой III, перешедшая в 141/140 г. до н.э. в законный брак (в конце же правления «Фискона» официальные документы, как известно, исходят от имени его и обеих цариц). Изгнание же царя Клеопатрой II на Кипр и ее попытка установить в Египте собственное полновластие в 132/1 г. до н.э. привели, как известно, к зверскому убийству «Фисконом» единственного сына от этого «легитимирующего» кровнородственного брака (Just. XXXVIII.8.12–13; еще до этого, при вступлении на престол, «Фискон» не остановился перед убийством сына Клеопатры II от Филометора: Just. XXXVIII.8.2–5). Вся совокупность этих фактов наводит на мысль о том, что брак с Клеопатрой II не столько легитимировал царский статус «Фискона» (его права на престол при отсутствии иных наследников не вызывали особых сомнений ввиду его принадлежности к царскому дому), сколько лишил ее подobaющего вдовствующей царице относительно независимого положения в династии. Как видно, вывод Д. Огдена, что именно «прецедент Клеопатры II» содействовал укреплению статуса царицы в доме Птолемеев, наталкивается на весьма серьезные возражения.

¹⁶ См. на примере отечественной историографии: *Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 51–68 (третий параграф первой главы удачно назван «Наследницы»).

Не меньше вопросов вызывает и стремление исследователя объяснить все коллизии династической истории Птолемеев, так сказать, из нее самой, без учета иных воздействовавших на их ход факторов. Пожалуй, самым фундаментальным из этих факторов оказывается институт династического культа Птолемеев, о котором Д. Огден поразительным образом даже не упомянул. Между тем, именно это идеологическое явление задавало модель, в рамках которой центральное место в государстве принадлежало не царю, а именно царской чете («богам Сотерам, Адельфам, Эвергетам, Филадельфам» и т. д.; кстати, именно с этим, а не с какими-либо династическими маневрами, как представляется Огдену, связано появление изображений царской четы в чеканке Филадельфа и Эвергета I – р. 75). Культ царской четы в какой-то мере воспроизводил египетский религиозный топос четы богов – брата и сестры (прежде всего, Осириса и Исиды, образы которых подверглись греческой рецепции уже в начале III в. до н.э. в рамках культа Сараписа); собственно говоря, именно этот топос, а не соображения династической практики, служил мотивацией для пресловутых кровнородственных браков внутри династии Птолемеев¹⁷. Заметим, что, оценивая само явление кровнородственных браков в доме Птолемеев, Д. Огден впадает в ошибку, очень симптоматичную для антиковеда, ориентирующегося, в частности, на хорошо известное сообщение Павсания о египетской, а не македонской основе традиции таких браков (Paus. I.7.1) и не знающего собственно древнеегипетских реалий. Весьма вольно ссылаясь на примеры кровнородственных браков в истории Египта эпохи фараонов (р. 77, 94 – в последнем случае речь идет о прецедентах царствований Эхнатона и Рамсеса II, отделенных от эпохи Птолемеев *не менее чем тысячелетием*), он не знает, что на самом деле такие примеры насчитываются единицами, не включают случаев брака между полными братьями и сестрами, а в отношении остальных у египтологов сплошь и рядом возникают сомнения, идет ли речь о реальном браке или лишь о некоей династической формальности¹⁸. На самом деле, реальную практику кровнородственных браков в династической истории Египта следует, по сути дела, считать вполне оригинальным «достижением» дома Птолемеев. Подводя некоторый итог попыткам Д. Огдена вывести некие закономерности династической истории Птолемеев, нужно сказать, что им явно стоит предпочесть анализ образующих ее конкретных исторических ситуаций, во всем многообразии воздействующих на них факторов.

Наконец, четвертая глава монографии Д. Огдена несвободна от ряда спорных суждений, фактических ошибок и умолчаний. На наш взгляд, исследователь излишне категоричен в своем отказе допустить возможность того, что супруга мемфисского верховного жреца Пасептаха II Береника принадлежала к числу младших членов царской династии Птолемеев (р. 92). В данном случае речь идет о невероятно

¹⁷ Koenen L. The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles; London, 1993. P. 81–113; Ладынин И.А. Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон. СПб., 2004. Вып. 3. С. 145–184 (сводя ссылки на литературу по истории и идеологии державы Птолемеев в настоящей рецензии к необходимому минимуму, мы позволим себе адресовать читателя к библиографическому аппарату этой работы).

¹⁸ См., например: Černý J. Consanguineous Marriages in Pharaonic Egypt // JEA. 1954. Vol. 40. P. 23–29.

древнем жреческом роде, прослеживавшем свою генеалогию вплоть до легендарного мудреца III тыс. до н.э. Имхотепа. Тот факт, что этот род, по выражению отечественного египтолога О.Д. Берлева, водил с Птолемеями «дружбу домами», несомненен, однако даже он с трудом объясняет то, что в 76 г. до н.э. еще один его представитель, Пасенптах III, возводится в сан верховного жреца, чтобы совершить коронацию Птолемея XII по египетскому обряду, в возрасте 14 лет! Предположение не только о близком знакомстве, но и косвенном родстве этой местной династии, числящей в своей истории такие эпизоды, с Птолемеями напрашивается, кажется, само собой¹⁹. В египтологической литературе существует целая серия исследований, посвященных надписи из Ахмима, которая, как считалось, упоминала некую «Птолемаиду» – супругу царя XXX династии Нектанеба I (380–363 гг. до н.э.; Urk. II.27). Последние исследования данного текста показали, что речь идет на самом деле об упоминании Арсиной II в любопытной близости от Коптоса – места ссылки первой супруги Птолемея Филадельфа Арсиной I²⁰; однако сам факт этой полемики, предполагавшей небывало ранние, еще доэллинистические связи между египетским царским домом и Македонией, так же как и ее конечное разрешение, на наш взгляд, были бы достойны упоминания в исследовании той направленности, которую избрал Д. Огден.

Практически «за кадром» работы Огдена остались экстраординарные культовые почести, оказанные Арсиной II после ее смерти Птолемеем Филадельфом и отражающие ее особенное положение в царском доме (мотивированное, судя по всему, поистине великой страстью к ней ее супруга). Существенной неточностью, допущенной Д. Огденом, можно считать приписывание царского статуса сыну Филометора и Клеопатры II, убитого «Фисконом» при своем вступлении на престол (р. 86–87; 105. Note. 1). На самом деле, как показано в новейших исследованиях, нет оснований считать, что этот ребенок был провозглашен царем; что же касается культового эпитета «Неос Филопатор», который, в соответствии с устаревшим мнением, приписывается ему Огденом вместе с именем Птолемея VII, то источники фиксируют его появление не ранее 118 г. до н.э. и побуждают связывать его скорее с убитым «Фисконом» его сыном от Клеопатры II – так называемым «Мемфисцем»²¹. Таким образом, фактический материал по истории династии Птолемеев, собранный в монографии Д. Огдена, имеет смысл использовать, как минимум,

¹⁹ См.: Hölbl G. Op. cit. P. 198 + Note 87; P. 218; 223 + Note 9–10, P. 294; 283 + Note 138–140; P. 299–300; *Reymond E.A.E. From the Records of a Priestly Family from Memphis.* Wiesbaden, 1981. P. 116 ff., 138 ff.; *Берлев О.Д., Ходжаши С.И.* Скульптура древнего Египта. М., 2004. С. 384 сл.

²⁰ *Kuhlmann K.P. Ptolemais – the Demise of a Spurious Queen (Apropos JE 43610) // Stationen: Beiträge zur Kulturgeschichte Ägyptens R. Stadelmann gewidmet / Hrsg. von H. Guksch, D. Polz. Mainz, 1998. S. 469–472* (с отсылками к предшествующей полемике по данному вопросу).

²¹ Hölbl G. Op. cit. P. 202 + Note. 114; P. 219 (со ссылкой на: *Chauveau M. Un été 145 // BIFAO. 1990. T. 90. P. 154–155*). Г. Хельбл условно переносит именование Птолемея VII Неоса Филопатора на «Мемфисца». Автор другого новейшего обобщающего труда по птолемеевскому Египту В. Хусс считает правильным исключить его, как и сына Филометора и Клеопатры II, из династической последовательности и именовать «Фискона» Птолемеем VII Эверетом II (*Huss W. Ägypten in der hellenistischen Zeit, 332–30 v. Chr. München, 2001. S. 11*).

не в отрыве от других исследований по Египту этого времени, и ни в коей мере не предпочитая его последним.

Приступая в пятой главе к рассмотрению династической истории еще одного эллинистического царского дома «первой величины» – Селевкидов, Д. Огден обрисовывает в общих чертах схему, к которой его приводят наблюдения над данным материалом (р. 117). По его мнению, первые цари этой династии столкнулись с ситуациями пресловутого «амфиметрического» конфликта, первая из которых была разрешена Селевком I с хрестоматийной радикальностью (он попросту отдал свою вторую жену Стратонику, еще не успевшую родить ему наследника, воспылавшему любовью к ней своему сыну от Апамы Антиоху: *Plut. Demetr.* 38; *App. Syr.* 59–61; почему-то Огден не дает отсылки к сообщению Аппиана, вообще-то, более примечательному, чем аналогичная информация Плутарха, так как именно в нем это решение Селевка трактуется как беспрецедентное и оправданное только тем, что царь, в качестве законодателя, не связан никакими законами и обычаями²²), вторая ситуация якобы вынудила Антиоха I казнить своего сына от Стратоники Селевка за участие в заговоре (ок. 268–266 гг. до н.э.; р. 125; *Trog. Prol.* XXVI; *Ioan. Ant. Frag.* 55 = *FHG.* IV. P. 558), а третья, после смерти Антиоха II, привела к острейшему кризису III Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.). Заметим пока, что единственным и очевидно слабым доводом Огдена в пользу «амфиметрического» характера второй из этих коллизий служит замечание, что в других эллинистических домах казни отцом сына и наследника имели именно такую мотивацию (р. 125); к разбору же ситуации кануна III Сирийской войны мы еще вернемся.

Следующий этап династической политики Селевкидов Огден связывает с Антиохом III, который, по его словам, «при организации браков своих сыновей и дочерей экспериментировал с заимствованной у Птолемея практикой браков между родными братьями и сестрами и сочетал ее с левиратом». С середины II в. до н.э., на последнем этапе истории Селевкидов как хозяев великой державы, их династическая политика связана с союзами с Птолемеями, приобретающими с точки зрения Огдена, легитимирующую силу. Помимо названных династических ухищрений, еще одним приемом Селевкидов, обеспечивавшим преемственность власти, было совместное правление царя с избранным им наследником (в абсолютном большинстве случаев, сыном; единственный эпизод соправления братьев, закончившийся острейшим конфликтом между ними, – это одновременное признание царями Селевка II Калиника и Антиоха Гиеракса ок. середины 230-х гг. до н.э.; р. 118²³).

На наш взгляд, некоторые объяснения, «прописанные» Д. Огденом на материале истории Селевкидов, хорошо определяются английским выражением *beating a dead horse*; и в то же время применительно к ряду сюжетов он проходит мимо интерпретаций, которые не только напрашиваются, но и могут оказаться перспективными в контексте не одной лишь династической истории эпохи эллинизма. Так, говоря о практике левирата, кровнородственных браков и многоженства в династии Селевкидов, исследователь ищет их истоки в династической истории Ахе-

²² Бикерман Э. Государство Селевкидов / Пер. А.М. Глускиной. М., 1985. С. 13.

²³ Там же. С. 23.

менидов. Что касается многоженства, то, во-первых, подобная практика требовала бы какого-то специального внимания и объяснения лишь применительно к случаям возвышения царем до равновысокого статуса одновременно двух (или более) разных жен. Сколько-нибудь близкая ситуация известна нам в эллинистической истории, кажется, только в случае брака «Фискона» с Клеопатрой II и ее дочерью Клеопатрой III ок. 141/0 г. до н.э. (как мы уже говорили, вскоре он обернулся возвышением второй из них, враждой между ними, а также между Клеопатрой II и «Фисконом» и, в конечном счете, чудовищной по своей жестокости войной, закончившейся весьма насильственным компромиссом (132–124 гг. до н.э.)). Случаи «двоеженства» Селевкидов, во-первых, далеко не бесспорны (не ясно в точности, совпадали ли во времени хотя бы ненадолго браки Селевка I с Апамой и Стратоникией – р. 119–120 – и Антиоха III с Лаодикой V и Эвбеей – р. 191; брак же Антиоха I и Нисы, возможно, сестры женщины, присланной Селевку I в жены Чандрагуптой ок. 303 г. до н.э., не достоверен – р. 120, 124²⁴); во-вторых, ни один из них не порождает сомнений относительно того, какая именно из супруг царя имела высший статус (понятно, что не порождающий таких или иных династических проблем конкубинат царей вообще не требует специальных объяснений). В любом случае, основу этих ситуаций следует искать в династической практике не Ахеменидов, а скорее именно в акцентированной автором в других местах книги традиции Теменидов/Аргеадов с ее легким и неформализованным отношением к разводу и заключению нового брака, давшим повод некоторым исследователям говорить едва ли не о полигамии в этом доме²⁵.

Несомненные кровнородственные браки связывали дочь Антиоха III Лаодику VI с ее родным братом и несостоявшимся (ввиду ранней смерти) наследником престола Антиохом, а затем с реальными наследниками и также ее родными братьями Селевком IV и Антиохом IV (р. 193). Если первый из этих браков можно объяснить восприятием традиции, уже сложившейся в доме Птолемеев (и, как мы уже говорили, не связанной с восточным влиянием), то последующие два нужно отнести, скорее всего, за счет левиратного принципа наследования вместе с престолом жены того, кто его занимал или претендовал на него по праву. По-видимому, этот династический прием нужно, вместе с Огденом (р. 135) и К. Ватэном²⁶, и в самом деле объяснять стремлением придать неоспоримую легитимность наследованию власти в магистральной линии династии Селевкидов – причем на фоне создания Антиохом III, в условиях непреодолимой дезинтеграции окраин своей державы, целой системы связей с правителями малых государств и автономных образований, получивших в жены его дочерей (р. 132–134).

Меньше оснований имеется для вывода о кровнородственном браке Антиоха II и Лаодики II: о том, что она была сводной по отцу сестрой

²⁴ Брачно-династический союз между Селевком Никатором и Чандрагуптой вообще выглядит сомнительным; см.: *Mehl A. Seleukos Nikator und sein Reich. Lovanii, 1986. S. 174–176* (где аргументируется мнение, что речь шла о договоре относительно возможности заключения браков между подданными Селевка и Чандрагупты, что и передано термином ἐπιγαμία).

²⁵ *Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Oxf., 1979. Vol. 2. P. 677.*

²⁶ *Vatin C. Recherches sur le mariage et la condition de la femme mariée à l'époque hellénistique. P., 1970. P. 93.*

своего мужа, свидетельствует только Полиэн (VIII.50), но наличие к этому времени (ок. середины 260-х гг. до н.э.) яркого примера брака Птолемея II и Арсиной II, пожалуй, говорит в пользу возможности этого²⁷. Однако наибольшие затруднения вызывает постулируемый Огденом брак Антиоха I с его родной или сводной сестрой. Отталкиваясь от единичной надписи, упоминающей безымянную «сестру-жену» этого царя (OGIS. I.219. v. 24: ...τοὺς βασιλέως καὶ τῆς ἀδελφῆς αὐτοῦ βασιλίσσης...; при этом сам Огден допускает и престижный характер этого именованья: р. 124–125), исследователь далее начинает обсуждать вероятные «последствия» (*implications*) данной возможности (оставляя, кстати, в тени немаловажный вопрос, от какого именно брака или связи Селевка I должна была родиться эта «сестра-жена» его сына). «Последствия» эти для Огдена сводятся прежде всего к выявлению вероятной модели для этого брака, коль скоро, по-видимому, он предшествовал самому раннему кровнородственному союзу эпохи эллинизма – браку Арсиной (II) и ее сводного брата (сына Птолемея Сотера от дочери Антипатра Эвридики) Птолемея Керавна (ок. 280 г. до н.э.): подобную модель он обнаруживает в династической истории Ахеменидов, заявляя, что, несмотря на сомнительность сведений о кровнородственных браках в этом доме (прежде всего о браке Камбиза II и сразу двух его сестер: Hdt. III.31), само их наличие свидетельствует о том, что они практиковались (р. 126–127). На фоне этого четко сформулированного, но далеко небесспорного тезиса невольно теряется, на наш взгляд, более значимая отсылка к прецедентам кровнородственных браков у Теменидов/Аргеадов, о которых мы уже говорили в связи с династической историей Птолемея (р. 125).

Гораздо более важным и, похоже, «специфически селевкидским» приемом легитимации оказывается левират, истоки и коннотации которого заслуживали бы более подробного обсуждения, чем в работе Д. Огдена. Похоже, что основополагающим прецедентом такого способа легитимации для Селевкидов оказалась история Селевка, Антиоха и Стратоники, ставшая, как мы уже сказали, хрестоматийной; однако мы отметили и то, что ее хрестоматийность была обусловлена именно ее исключительностью для своего времени. В этой связи автор обращает внимание опять же на ахеменидский прецедент: взятие основателем царской линии «младших Ахеменидов» Дарием I в жены вдов своих предшественников Камбиза II и Бардии (как считает все большее число исследователей, легитимного царя, лишь в пропагандистских целях выданного за самозванца Гаумату: Hdt. III.88; Just. I.10.13–14; р. 123²⁸). В этом случае отсылка Огдена к ахеменидской традиции (причем «сработавшей» в принципиально важный момент династического перехода) кажется оправданной, но не исчерпывающей суть дела. Левират (как, кстати, и наследование престола сыном сестры) может быть инвариан-

²⁷ Для Антиоха II женитьба на кровной родственнице могла служить дополнительным средством легитимации своего положения после устранения его старшего брата Селевка (Габелко О.А. Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Синкелла // ААе. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. С. 98. Прим. 57).

²⁸ Briant P. Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre. P., 1996. P. 144; 118 (о знаменитом фрагменте «Персов» Эсхила, где в перечислении Тенью Дария легитимных царей мидо-персидской династии пятым упоминается «Мардис, опозоривший / престол свой древний и отчизну...»; vv. 773–775).

том династической традиции Элама²⁹, при том что преемственность от эламских институтов была, судя по всему, необычайно важна для иранской государственности Ахеменидов, по крайней мере, на раннем этапе ее истории (достаточно вспомнить принятие титула «царь Анчана» первыми из них, до Кира включительно, статус Суз среди их царских резиденций и использование эламского языка как одного из государственных)³⁰. В связи с этим любопытно и появление в контексте истории о Стратонике в изложении Лукиана и имени Комбабоса, восходящего к ассоциирующемуся именно с эламскими территориями Иранского нагорья месопотамскому мифологическому персонажу Хумбабе (Luc. *De Syr. dea.* 19–27), и сам факт того, что после брака Антиоха и Стратоники эта чета приобретает статус соправителей Селевка – царей «верхних сатрапий», т.е. прежде всего иранских областей его державы. Отвлекаясь непосредственно от «левиратного» аспекта этого эпизода, заметим, что предшествующий брак Селевка с Апамой (р. 119) должен был иметь большое (и совершенно не оцененное Огденом!) значение в плане выстраивания им отношений со своими иранскими подданными. Если в более поздней традиции (не ранее середины III в. до н.э.) Апама предстает дочерью Александра и Роксаны (идеологическое значение этой фикции столь же очевидно, как и ее анахроничность), то в реальности она была дочерью Спитамена (р. 119)³¹, одного из вождей элиты Бактрии, стремившихся сохранить независимую от Александра и при этом также восходящую к традиции иранского «царства стран»³² государственность в прежних восточных ахеменидских землях. Даже при отсутствии политического расчета при заключении этого брака во время знаменитого массового бракосочетания в Сузах, позднее он не мог не быть полезен Селевку в противостоянии с опорой на иранские земли Антигону Монофталму, представлявшему значительно более враждебное местной традиции греко-македонское начало. Возможно, легитимация Антиоха I как царя «верхних сатрапий» (и в перспективе наследника всей державы Селевка) при помощи левиратного брака была последним на очень долгую перспективу проявлением рецепции Селевкидами иранской политической традиции. Замечательным образом «рецидив» этой традиции мы видим в эпоху Антиоха III, попытавшегося в ходе похода на Восток вернуть под свою реальную власть «царство стран» и, как было замечено

²⁹ См.: Юсифов Ю.Б. Элам: социально-экономическая история. М., 1968. С. 188; Хинц В. Государство Элам. М., 1976. С. 86–89 (см., однако, оговорки, которые делаются по вопросу об этом эламском институте).

³⁰ К недавнему докладу Э.В. Рунга о персидском обычае требовать «землю и воду» в знак покорности и вассалитета (Рунг Э.В. Персидские требования земли и воды и позиция греков // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. М., 2006. С. 338–341; ср.: Рунг Э.В., Холод М.М. Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V–IV вв. до н.э. // Мнемон. СПб., 2006. Вып. 5. С. 31–32 и в этом сборнике: Рунг Э.В. Афины и Персия: первые контакты. АМА. Вып. 13. С. 3–9) наш друг и коллега А.А. Немировский добавил комментарий, согласно которому его истоки следует считать именно эламскими (см. ссылку: Хинц В. Указ. соч. С. 122).

³¹ *Shahbazi A.Sh.* s.v. *Apamau* // *Elr* (www.iranica.com).

³² См. замечания о традиции «царства стран» («царства Азии» греческих источников) в работе: Ладынин И.А. Античный тоpos «владычества над Азией» и концепция непрерывной надрегиональной государственности на Ближнем и Среднем Востоке в I тыс. до н.э. // «Эдуба вечна и постоянна»: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения И.М. Дьяконова. СПб., 2005. С. 151–160.

больше века назад, официально принявшего адекватный этому и восходящий к греческому преломлению власти Ахеменидов титул βασιλεὺς μέγας³³. Можно согласиться с Д. Огденом, что именно в линии преемников Антиоха III, как мы уже говорили, последовательно делающих своей женой Лаодику VI, мы видим особенно чистый пример левитатной легитимации прав на престол: может быть, он проявился именно под влиянием «ренессанса» при Антиохе III иранизирующей традиции «царства стран» (заметим, что по меньшей мере три из пяти государств и автономий, которые Антиох III хотел связать своего рода системой вассально-брачных союзов, – Армения, Понт и Каппадокия, р. 132–134 – по происхождению и антуражу власти своих династий могли претендовать на независимое от Селевкидов и специфически иранское продолжение традиции «царства стран»)³⁴. Далее повторение этого же приема применительно к Клеопатре Тее (супруге Александра Баласа, Деметрия II и Антиоха VII; р. 147–152) и Клеопатре Селене (супруге Антиоха IX Кизикена и Антиоха X «Благочестивого»; р. 154–157) кажется уже совершенно естественной устоявшейся практикой.

Еще один комплекс проблем, отчасти непонятый, а отчасти запутанный Д. Огденом, – это династические аспекты кануна и времени III Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.). Как известно, само ее обозначение – «война Лаодики» – четко указывает на ее истоки: брак Антиоха II и дочери Птолемея II Филадельфа Береники, заключенный ок. 253–252 гг. до н.э. по итогам II Сирийской войны и отодвинувший от престолонаследия потомство Антиоха от первого брака с Лаодикой II. По поводу этого брака Д. Огден дважды повторяет, что Антиох II был «завлечен» Филадельфом в ситуацию «амфиметрического конфликта» (р. 117: *Antiochus II was undone by Philadelphus' manoeuvring him into an amphimetric situation*) и «вынудил Антиоха II войной (*sic!* – И. Л.) жениться на своей дочери Беренике» (р. 128: *he constrained Antiochus II by war to marry his daughter Berenice...*). Эти замечания Д. Огдена невольно заставляют усомниться в элементарном знании им политической истории эллинистического мира и действовавших на ее арене лиц. Практически невозможно представить себе, чтобы Антиох II, бывший незаурядным правителем, позволил бы навязать себе заведомо невыгодное для него решение или не увидел бы крошечной в нем потенциальной опасности. В свою очередь у Птолемея Филадельфа, ко времени замужества своей дочери проигравшего противоборство в Эгееде не только Антиоху во II Сирийской войне, но еще ранее и Македонии в Хремонидовой войне, не могло быть для такого демарша реальных рычагов. Сам Огден подробно описывает, каким образом Антиох II компенсировал Лаодике утрату ею прежнего статуса при браке царя с Береникой (р. 129); в то же время он проходит мимо очень показательного момента – сопротивления этому

³³ *Bevan E.R. Antiochus III and his Title "Great-King" // JHS. 1902. Vol. 22. P. 241–244.*

³⁴ Мы чрезвычайно признательны А.В. Громовой, указавшей на позднее сообщение Иоанна Малаалы (глава XI «Хронографии»), в котором права династов Персиды – современников Траянова восточного похода – по существу, на власть над «царством стран» легитимируются их связью с династами Армении, представленными в качестве царей высшего статуса, без какого-либо упоминания в этом качестве парфянских царей и, стало быть, в обход преемственности от них (при этом, правда, игнорируется, что ко II в. н.э. и сама армянская правящая династия была уже ответвлением парфянского дома Аршакидов: *Toumanoff C. s.v. The Arsacid Dynasty of Armenia // Elr (www.iranica.com)*).

браку со стороны сестры Антиоха II и вдовы киренского царя Мага Апамы. Считая, по-видимому, его неизбежным следствием превращение Кирены – ранее опорного пункта Селевкидов – в птолемеевский протекторат, Апама обращается за помощью к македонской династии Антигонидов и предлагает руку своей дочери Береники сводному брату царя Антигона II Гоната Деметрию Красивому (в итоге он был убит в Кирене сторонниками самой Береники: Just. XXVI.3.3–6; Catul. 66.25–28)³⁵. Данная ситуация важна тем, что в лице союзника киренской царицы, которого она сама, видимо, считала естественным, обнаруживается более могущественный, чем она, и вероятно, вообще главный противник династического союза Птолемеев и Селевкидов – Македония Антигонидов. Очевидно, приобретая в результате II Сирийской войны опорные пункты в Ионии, Антиох II оказался настолько обеспокоен непрекращающимся усилением позиций Македонии в Эгеиде (уже позднее, в 240-е гг. до н.э., ей выпадает такой крупный успех, как установление после победы при Андросе контроля над Кикладами³⁶), что считает необходимым не только прекратить войну с Филадельфом, но и заключить с ним прочный союз, может быть, направленный против Антигона Гоната. Возможно, к прекращению противоборства с Египтом Антиоха II подталкивали и иные факторы (например, осознание системного кризиса его восточных владений); однако в любом случае опасность «амфиметрического» конфликта (фактически большее – допущение потомка Птолемеев к наследованию селевкидского престола) и иные уступки Птолемеем (в частности, тот же переход под их власть Кирены, действительно совершившийся после брака Птолемея III и дочери Мага и Апамы Береники) нужно считать не плодом коварства Филадельфа, а достаточно большой ценой, которую Антиох II по определенным причинам счел необходимым уплатить.

Системный кризис эллинистического мира, проявлением которого стал целый ряд событий, синхронных III Сирийской войне, еще, вероятно, станет предметом целого ряда исследований. Однако в контексте проблем династической истории, о которых мы говорим, стоит обратить внимание на ряд ее эпизодов, на наш взгляд, недооцененных Д. Огденом. Прежде всего, это стремление «партии Птолемеев» при антиохийском дворе во что бы то ни стало, едва ли не ценой забвения естественных человеческих инстинктов, сохранить в доме Селевкидов линию наследования, идущую от брака Антиоха II и Береники, либо ее фикцию: когда сторонники Лаодики убивают сына Береники, она с готовностью выдает за него похожего ребенка; когда еще до прибытия в Антиохию Птолемея III жертвой покушения становится сама Береника, это в течение какого-то времени держится в тайне, и Птолемей действует в державе Селевкидов именем обоих своих убитых родственников (Polyaen. VIII.50; сам Птолемей утверждал, что успел застать ее в живых: P.Gurob. Col. 3–4; p. 130–131). По-видимому, лишь когда это становится нереально, Птолемей III сам рискует принять сопряженный с властью над всеми селевкидскими владениями титул βασιλεὺς μέγας (Monumentum Adulitanum – OGIS. I.55. v. 1)³⁷. После победы Египта в войне, с конца 240-х и,

³⁵ Hölbl G. Op. cit. P. 45–46.

³⁶ Buraselis K. Das hellenistische Makedonien und die Ägäis. München, 1982. S. 144–145.

³⁷ Bevan E.R. Op. cit. P. 242.

видимо, до 237–236 гг. до н.э., в державе Селевкидов имеет место беспрецедентное, не предполагающее (по крайней мере, формально) территориального размежевания владений совместное правление родных братьев Селевка II Каллиника и Антиоха Гиеракса как легитимных царей равного статуса. Если первого из них поддерживает партия Лаодики, то за вторым, судя по тому, что в ходе войны с Гиераксом Каллинику приходится осаждать Эфес, контролируемый Птолемеями (Porphyr. *Chron.* FGrH. 260. Frag. 32.8), очевидно, должна была стоять эта династия (р. 131). На наш взгляд, эти детали имеет смысл рассмотреть в одном ряду с гораздо более поздними эпизодами, относящимися уже к противоборству Селевкидов со вставшей на ноги Парфянской державой.

В 130 г. до н.э., в ходе сравнительно успешной кампании против Парфии, Антиох VII, ставший до этого супругом Клеопатры Теи, возвращается из своего рода почетного плена в Гиркании предшественника в этом качестве Деметрия II (успевшего жениться на дочери Митридата I Родогуне) и его детей от Теи – будущего Селевка V и Лаодику (Porphyr. *Chron.* FGrHist. 260. Frag. 32.19–21). Этот поступок удивляет Д. Огдена, видимо, своим гуманизмом, несвойственным македонским династам, и он спешит сделать на основании этого вывод, что стандартом поведения в доме Селевкидов была верность друг другу между родными братьями, нарушенная лишь однажды Каллиником и Гиераксом (р. 150). На самом деле, в этой ситуации принципиальна цель, которую преследовал захвативший Деметрия II с семьей Митридат, выявившаяся вполне определенно, когда в 125 г. до н.э. его преемник Фраат II попытался сделать своим ставленником в Сирии сына Деметрия Селевка V, вскоре убитого Теей (App. *Syr.* 68–69; Just. XXXIX.1.9; Porphyr. *Chron.* FGrH. 260. Frag. 32.22; р. 151).

Как видно, в поведении Птолемея III в ходе III Сирийской войны и парфян в 130–120-е гг. до н.э. проявляется следующая закономерность: имея возможность в условиях своего бесспорного военного превосходства не считаться с политической традицией Селевкидов, они тем не менее предпочитают выступать в качестве их формальных союзников, а то и агентов. Похоже, что это связано с представлениями об определенных «правилах игры», допустимых в рамках геополитической системы эллинистического мира, определившейся к исходу борьбы диадохов. По-видимому, основой этих правил мыслилась политическая и, прежде всего, династическая стабильность трех ведущих царских домов – Птолемеев, Селевкидов и Антигонидов³⁸. Шедшее между ними непрерывно военное противоборство не должно было переходить ту грань, за которой следовало полное уничтожение противника; равным образом, эти династии не должны были содействовать в этом внешним по отношению к ним силам, в том числе вновь возникающим в результате дезинтеграции

³⁸ Что совершенно игнорируется в новой отечественной работе, где политика «равновесия сил» в эллинистическом мире с уверенностью, заслуживающей лучшего применения, объявляется не более чем историографической фикцией: *Беликов А.П.* Рим и эллинизм: Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 383–384 (см. рецензию на эту книгу: *Габелко О.А., Лапырёнок Р.В.* [Рец.]: Беликов А.П. Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003 // SH. 2008. Вып. 8. С. 188–210).

их владений³⁹. Основателями всех этих трех домов были диадохи, легитимировавшие свою власть родственной или иной преемственностью от Александра и/или связью с божеством⁴⁰. Последним событием, которое не укладывалось в предполагаемую нами схему «соглашения» между этими династиями высшего статуса, была гибель государства Лисимаха вместе с ним самим в битве при Куропедии, и стало быть, окончательную выработку этого «соглашения» следует приписать уже второму поколению эллинистических царей⁴¹. В свою очередь, новые эллинистические государства II в. до н.э. должны были на первых порах своей самостоятельности стремиться вписать ее, по крайней мере на уровне фикции, в эту геополитическую систему: лишь полное ее разложение к рубежу II и I вв. до н.э. вывело их на международную арену в качестве самостоятельных сил, претендующих на статус великих держав. Соответственно, в рамках первоначальных «правил игры» Птолемей III во время III Сирийской войны был вынужден сохранять видимость действий «в союзе» с «легитимным» селевкидским государем, пока это было возможно; статус «великого царя» он принял на себя, очевидно, лишь когда смерть Береники и ее сына была надежно засвидетельствована партией Лаодики, и скорее всего без энтузиазма (не случайно позднее он не держался за него, а, видимо, постарался сделать своим легитимным ставленником Антиоха Гиеракса). Позднее Митридат I и Фраат II стремились предъявить эллинистическому миру легитимирующие их власть селевкидских «псевдосюзеренов»; естественно, что в таком случае возвращение Деметрия II и его детей из Гиркании Антиохом VII мотивируется отнюдь не гуманизмом (по крайней мере, не только им), а стремлением лишить парфян такой возможности. Попытки отступить от этого принципа – что показательно, опять же только частичные! – можно обнаружить в событиях VI Сирийской войны, когда в 168 г. до н.э. Антиох IV,

³⁹ Только наличие такого *modus vivendi* может объяснить эпизод 213 г. до н.э., когда, всего через четыре года после победы Египта в IV Сирийской войне (219–217 гг. до н.э.), потерпевший от него поражение Антиох III и заведомо заинтересованный в ослаблении птолемеевского влияния в Эгиде Филипп V предлагали Птолемию IV помощь в связи с назревающим кризисом внутри Египта (Polyb. XV.20.1; *Huß W. Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' IV. München, 1976. S. 84*).

⁴⁰ См. прим. 12. Для Антигонидов, окончательно пришедших к власти в Македонии в 270-х гг. до н.э., легитимирующим фактором было, видимо, их происхождение (неизвестно – подлинное или мнимое) от Теменидов/Аргеадов (Polyb. V.10.10), как это убедительно показал еще в 1930-х гг. Ч. Эдсон (*Edson Ch.F. The Antigonids, Heracles and Bergea // HSCPh. 1934. Vol. 45. P. 214–226*). К подробнейшей аргументации Эдсона можно добавить и то, что в районе ворот дворца в Эгах (Вергине) был открыт фундамент небольшого круглого святилища, где была найдена надпись с посвящением сыновей последнего Антигониды Персея (179–168 гг. до н.э.) Филиппа и Александра Гераклу Отчему (v. 3: ...Ἡρακλεῖ Πατρὸσι) – мифическому предку македонских царей из дома Теменидов/Аргеадов и претендовавших на родство с ними Антигонидов: *Andronicos M. Vergina. Athens, 1984. P. 38* (только третья строка надписи); *Hatzopoulos M.B. Macedonian Institutions under the Kings. Athens, 1996. Vol. 2. Epigraphic Appendix. P. 50 (№ 30; с восстановлением, отсутствовавших в *editio princeps*, первых двух сильно поврежденных строк, в которых М. Хадзопулос достаточно убедительно реконструировал имена Филиппа, Александра и их отца – царя Персея; ср.: IG. X.2.1. 76 = *Hatzopoulos M.B. Op. cit. P. 51. № 31*).*

⁴¹ Представление об особом, признанном всем эллинистическим миром статусе этих династий, восходящих к диадохам, хорошо подтверждается недавним наблюдением о легитимирующем характере браков с их представительницами для правителей малых государств, претендовавших на царский статус (Понта, Каппадокии, может быть, Пергама): *Габелко О.А. Указ. соч.*

по-видимому, коронуется по египетскому обряду в Мемфисе, но сохраняет в качестве формального соправителя своего племянника Птолемея VI (Porphyr. *Chron.* FGrH. 260. Frag. 49a–b; ср.: P. Tebt. III:1. 698. v. 1: датировка документа из Египта годом правления Антиоха IV), и 140-х гг. до н.э., когда Птолемей VI сходным образом возлагает на себя «две диадемы» Египта и Азии, поддерживая тем не менее в качестве легитимного Селевкида Александра Баласа (Jos. *Ant. Iud.* XIII.113; 1 Macc. II.13; Diod. XXXII.9c).

Заметим, что эти немаловажные политические аспекты пересечения историй двух эллинистических династий странным образом словно бы уходят из поля зрения Д. Огдена, в то же время неоднократно повторяющего свой тезис о «легитимирующем» значении птолемеевских браков для Селевкидов во II в. до н.э. (р. 117, 147, 154–157). Дополнив этот тезис наблюдением, что царицы, вышедшие из дома Птолемеев, становятся более стабильным элементом династии Селевкидов, чем ее мужские представители (р. 147), Огден не замечает, что данное наблюдение несамостоятельно по отношению к другому его выводу о роли левирата в передаче власти в этой династии. В то же время сам тезис о «легитимирующих египетских принцессах» (например, р. 156 – о Клеопатре Селене) звучит у него так, словно браки с ними были важны для Селевкидов прежде всего по престижно-статусным соображениям. В действительности дело обстоит совершенно иначе. Все птолемеевские браки Селевкидов II в. до н.э. приходится на время, когда государственная территория их державы непрерывно сокращается под давлением Парфии, а сами они сплошь и рядом ведут достаточно ожесточенную династическую борьбу. Соответственно, главным «приданым», которое невеста из дома Птолемеев приносит своему первому супругу-Селевкиду (Клеопатра Тея – Александру Баласу, да и Деметрию II: р. 147–148; Клеопатра Трифэна – Антиоху VIII Грипу, что стало роковым для его матери Теи: р. 153; и даже изгнанная из Египта Клеопатра IV – Антиоху IX Кизикену: р. 155), оказывается войско и связанная с ним политическая поддержка. Статусный фактор не мог играть существенной роли в отношениях между этими двумя династиями по той элементарной причине, что в иерархии эллинистического мира они были изначально равны. Парадоксальным на фоне тезиса Огдена образом скорее уже умершее Селевкидское государство могло оказать «статусную» и моральную поддержку птолемеевскому Египту, когда, после изгнания Птолемея XII в 58 г. до н.э. Береника IV, оказавшаяся у власти вместе со своей матерью Клеопатрой VI Трифэной, стала искать себе супруга и соправителя среди уцелевших селевкидских царевичей (Porphyr. *Chron.* FGrH. 260. Frag. 2.14; Strabo. XVII.1.11; Dio Cass. XXXIX.75.1–2).

В начале шестой главы, посвященной династии Антигонидов, как и в начале всего исследования, Д. Огден цитирует замечание Плутарха (*Demetr.* 3) об удивительной для эллинистических династий внутренней стабильности этого царского дома до конца царствования Филиппа V (221–179 гг. до н.э.), когда произошел конфликт между его сыновьями Персеем и Деметрием, завершившийся гибелью последнего. Однако Огден склонен абсолютизировать мнение Плутарха до того, что у Антигонидов был почти некий семейный «кодекс лояльности»! (р. XII: ... а

strong code of family loyalty; p. 171: ... *a strong internal code of loyalty*; p. 187: ... *distinctive Antigonid code of loyalty, etc.*).

Еще одна идея Огдена по поводу династии Антигонидов заключается в якобы особом, в сравнении с другими царскими домами эллинистического мира, статусе сыновей гетер и наложниц ряда Антигонидов (p. 192). Однако примеры, которые приводит Огден, достаточно противоречивы. Алкионей, сын Антигона II Гоната и афинской гетеры Демо (Athen. XIII.578a), долгое время был единственным наследником Антигона (до рождения во второй половине 270-х гг. до н.э. будущего Деметрия II – сына Гоната и селевкидской принцессы Филы). Все это легко объясняет видную роль Алкионей при Антигоне, на что могут указывать сообщения Плутарха и Диогена Лаэртского (Plut. *Pyrrh.* 34.7–10; Diog. Laert. IV.41; VII.36). При этом, вопрос о правах Алкионей на трон⁴² остается открытым, т.к. он не пережил своего отца (Plut. *Moral.* 119c–d; Ael. *V.H.* III.5). Происхождение же сына Деметрия II – Филиппа V – все еще вызывает вопросы, но, на наш взгляд, главная из двух «претенденток» на роль его матери – Фтия – была эпирской царевной из династии Эакидов, дочерью царя Александра II и внучкой знаменитого Пирра.

Естественно, что в ситуации, когда царь имел только одного сына, его происхождение не могло влиять на права престолонаследия, так что говорить о какой-то особой роли детей гетер и наложниц у Антигонидов не следует.

В шестой главе Д. Огден довольно подробно разбирает известные из источников аспекты династической политики Антигонидов – от Антигона I Монофталма до Персея и даже Андриска (Лжефилиппа). Далее мы остановимся лишь на нескольких проблемах династической истории Антигонидов, затронутых Огденом.

Д. Огден бегло замечает, что Антигониды практиковали полигамию (p. 171), хотя с уверенностью об этом можно говорить только в случае с матримониальной политикой Деметрия I Полиоркета (с. 173–177). Другим кандидатом является внук Полиоркета – царь Деметрий II (239–229 гг. до н.э.): из источников известно о трех (или даже четырех) его браках⁴³. Однако, кажется, только две женщины могли находиться при дворе Деметрия примерно в одно время (230-е гг. до н.э.) – Фтия и Хрисеида, в случае если именно последняя была матерью его наследника Филиппа V, родившегося в 238 г. до н.э. (при этом остается возможность, что «Хрисеида» – это только прозвище Фтии⁴⁴).

⁴² Ср.: Tam W.W. *Antigonos Gonatas*. Oxf., 1913. P. 247–248. Note 92; Dow S., *Edson Ch.F.* *Chryseis. A Study of the Evidence in Regard to the Mother of Philip V* // HSCPh. 1937. Vol. 48. P. 162 + Note 3; Carney E.D. Op. cit. P. 181 (в этих работах используются обозначения: *crown prince, heir* и *prince of the blood*).

⁴³ 1) Селевкидская принцесса Стратоника; 2) вдова Александра, сына Кратера – Никея; 3–4) эпирская принцесса Фтия и Хрисеида. Впрочем, «свадьба» Деметрия и Никеи в середине 240-х гг. до н.э. была лишь уловкой, необходимой отцу Деметрия Антигону Гонату для восстановления контроля над Коринфом, который в это время находился во власти Никеи после смерти ее супруга Александра – мятежного племянника Гоната (Plut. *Arat.* 17.1–7; Polyae. IV.6.1). Наиболее подробный разбор проблем браков Деметрия II: Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. Матримониальная политика Деметрия II Македонского: новые решения старых проблем // ВДИ. 2008. № 1. С. 141–164.

⁴⁴ Tam W.W. *Phthia-Chryseis* // *Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson*. Cambridge (Mass.), 1940. P. 483–501.

В связи с изучением матримониальной политики Деметрия II (р. 179–182)⁴⁵ Огден, затрагивает проблему установления личности матери его сына – Филиппа V (изучение вопроса имеет уже более чем столетнюю историю; над его разрешением работали К.Ю. Белох, У. Тарн, Дж. Файн, Ч. Эдсон, С. Ле Боэк, Э. Кэрни и некоторые другие исследователи)⁴⁶. Из кандидатур эпирской принцессы Фтии и таинственной Хрисеиды Огден выбирает последнюю, не добавляя, впрочем, новых деталей к аргументам своих предшественников (наиболее подробная аргументация в пользу Хрисеиды была приведена еще в 1937 г. в обстоятельной работе С. Доу и Ч. Эдсона)⁴⁷. При этом весьма странным представляется желание Д. Огдена видеть Хрисеиду непременно гетерой («куртизанкой») (р. 192, 215, 231, 232, 243, 251–252)⁴⁸, хотя в источниках имеется только одно указание на статус Хрисеиды: согласно сообщению Порфирия–Евсевия, до брака с Деметрием II она была «пленницей» (Euseb. *Chron.* I.237–238 Schoene: ...ἡμᾶς δὲ τινα τῶν αἰχμαλώτων). Гетеры, конечно, время от времени попадали в плен (можно вспомнить, например, знаменитую Ламию, ставшую после пленения одной из любовниц Деметрия I Полиоркета – *Plut. Demetr.* 16.5–6), но касательно Хрисеиды указаний на то, что она была гетерой – нет.

Изучая матримониальную политику Филиппа V, Огден, естественно, значительное внимание уделяет рассмотрению конфликта между его сыновьями Персеем и Деметрием (р. 184–186) – единственному известному из источников примеру амфиметрического спора в династии Антигонидов⁴⁹. Огден склонен думать, что Персей был сыном Поликратии из Аргоса, которая, по его мнению, стала супругой Филиппа V (до этого она была женой Арата Младшего); кто была мать Деметрия, младшего сына царя – неизвестно, хотя Огден допускает, что ее статус мог быть выше, чем у матери Персея (р. 183–184). Огден совершенно справедливо отмечает и внешнеполитический фактор в конфликте Персея и Деметрия – роль Рима (р. 185–186).

Не заканчивая исследование матримониальной политики Антигонидов на Персее, Д. Огден осторожно допускает в последнем разделе шестой главы, что Андриск (Ажефилипп), попытавшийся захватить власть в Македонии в начале 140-х гг. до н.э., действительно был сыном Персея и его наложницы Калиппы (р. 189–192).

Возвращаясь уже во второй части монографии к своей идее о якобы особом статусе гетер и их сыновей у Антигонидов, Огден склонен думать, что праздник Ἐταιρίδεια, отмечавшийся в Магнесии (согласно Афиною, со времени Ясона и аргонавтов), а также и македонскими царями (*Athen.* XIII.572d), относился ко времени правления династии Антигони-

⁴⁵ Э. Кэрни склонна думать, что матримониальная политика Деметрия II в начале 230-х гг. до н.э. была обусловлена тем, что первые супруги – Стратоника и Фтия – не родили ему сына (*Camey E.D.* Op. cit. P. 186, 192–193, 230).

⁴⁶ Одна из последних опубликованных работ по теме: *Габелко О.Л.* К генеалогии эллинистических царских династий // *Античность: эпоха и люди.* Казань, 2000. С. 51–61 (в данной статье развивается теория о том, что матерью Филиппа V была эпирская принцесса Фтия).

⁴⁷ *Dow S., Edson Ch.F.* Op. cit.

⁴⁸ Д. Огден использует термины «куртизанки» и «гетеры», как синонимы (например – р. 171).

⁴⁹ См. также: *Edson Ch.F.* *Perseus and Demetrius* // *HSCPh.* 1935. Vol. 46. P. 191–202.

дов и был посвящен, конечно же, гетерам («куртизанкам») (p. 232: ... *the Antigonids should have celebrated a festival in honour of courtesans, a Hetairideia*; ср.: p. 263). Однако в Магнесии этот праздник был связан с культом Зевса Гетайрейя (Athen. XIII.572d; ср.: Suda. s.v. Ἡταιρείος; Hesych. s.v. Ἡταιρείος). При этом у Афиней (цитирующего Гегесандра – автора III–II вв. до н.э.) нет указаний на то, что праздник Ἡταιρίδεια отмечали именно Антигониды, у него говорится просто о «царях македонян» (Athen. XIII.572d: θύουσι δὲ καὶ οἱ Μακεδόνων βασιλεῖς τὰ Ἡταιρίδεια) Кстати, крайне интересным представляется мнение У. Тарна, что под «царями македонян», упоминаемыми Афинеем, следует видеть Антигонидов, но они отмечали праздник Ἡταιρίδεια именно в Магнесии со времени ее захвата Деметрием Полиоркетом в 294 г. до н.э.⁵⁰ С гетерами этот праздник явно не был связан.

Следует заметить, что в главе, посвященной династии Антигонидов имеется ряд неточностей и явных опечаток. Вот лишь некоторые из них: соглашение о браке Антигона Гоната с сестрой селевкидского царя Антиоха I Филой (*Vita Arati* IV.19, 20) не могло быть заключено в 281 г. до н.э. (p. 178), т.к. данный династический союз, очевидно, стал следствием урегулирования военного конфликта между Антигоном и Антиохом, который только начался не ранее этого времени⁵¹; юный сын Гоната Деметрий II в ходе Хремонидовой войны совершил вторжение, конечно же, в Эпир (Just. XXVI.2.11), а не в Эфес (*Ephesus* – p. 178); щедрой рукой Огден «даровал» Л. Эмилию Павлу триумф над Персеем уже в 171 г. до н.э. (p. 188), когда III Македонская война только начиналась, при этом, начиналась с разгрома македонянами римлян при Калинике в Фессалии. Этот список, увы, можно продолжить.

Последней эллинистической династией, которой Д. Огден уделяет внимание в седьмой главе рецензируемой книги, являются пергамские Атталиды (p. 199–214). Здесь, очевидно, автор не вполне строго следует собственной концепции: правители Пергама по своему происхождению не были чистыми македонянами⁵², и, что даже более важно, они не принадлежали изначально к политической элите эллинистического мира, и это не могло не сказаться на практикуемой ими брачно-династической политике. Между тем, конкретные соображения Д. Огдена по ключевым

⁵⁰ *Tarn W.W. Antigonos...* P. 38, 206–207. Соответственно, если принять достаточно убедительное мнение Тарна, Гетайридейя лишается статуса «традиционного македонского праздника», каковым его считают большинство антиковедов (см., например: *Edson Ch.F. Early Macedonia // Philip of Macedon. Athens, 1980. P. 11; Welwei K.-W. Zum Problem der frühmakedonischen Heeresversammlung (1987) // idem. Polis und Arché. Stuttgart, 2000. S. 318; Hammond N.G.L. Op. cit. P. 54, 142; Le Bohec-Bouhet S. The Kings of Macedon and the Cult of Zeus in the Hellenistic Period // The Hellenistic World: New Perspectives. L., 2002. P. 44).*

⁵¹ *Buraselis K. Op. cit. S. 110–119; Hammond N.G.L., Walbank F.W. A History of Macedonia. Oxf., 1988. Vol. 3. P. 250–251.*

⁵² Мать основателя династии Атталидов Филетера Боа была пафлагонкой, а отец Аттал, судя по имени, македонянином. Остается, однако, совершенно неясным, каким образом он мог оказаться в довольно захолустном уголке Анатолии приблизительно в середине IV в. до н.э. (год рождения Филетера, видимо, младшего из трех сыновей Аттала и Боа – 343 г. до н.э.). Р. Биллоуз, отмечая это обстоятельство, полагает, что Аттал мог быть греком или эллинизированным анатолийцем (*Billows R.A. Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 104. Note 67*). Пафлагонцем именует Филетера Павсаний (I.8.1). Влияние местных малоазийских политико-правовых институтов на порядок престолонаследия в Пергаме попытался выявить О.Ю. Климов (*Климов О.Ю. Царство Пергам. Очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 56–58*).

моментам династической истории Атталидов также нередко вызывают сомнение или возражение. Так, крайне странно, что он ничего не говорит о селевкидском происхождении матери Аттала I, Антиокиды (Strabo. XII.4.2; IG. XI.4. 1108. vv. 1–3⁵³), хотя это, по нашему мнению, могло сыграть весьма важную (если вообще не главную) роль в принятии этим правителем царского титула⁵⁴.

Основное новшество, привносимое английским историком в трактовку генеалогии пергамского царского дома, состоит в следующем: он пытается доказать происхождение сына Эвмена II, последнего пергамского монарха Аттала III, от наложницы (p. 202–207). В доказательство этого он приводит свидетельства Полибия (XXX.1–2) и Ливия (XLV.19.11) о том, что в 168/167 г. до н.э. Эвмен еще не признал его своим «природным» (κατὰ φύσιν) сыном⁵⁵. При этом автор весьма подробно излагает аргументы немецкого историка конца позапрошлого века Ф. Кеппа, выдвинувшего смелое предположение: Аттал (III) в действительности мог быть сыном Аттала II, который в 172 г. до н.э. поспешил жениться на жене своего брата Стратонике при слухах о смерти Эвмена; в это-то время Аттал и был зачат⁵⁶. Д. Огден, однако, не соглашается с этой идеей, указывая, что в этом случае Аттал (III) не мог считаться «еще мальчиком» к 153 г. до н.э.⁵⁷, а также приводя свидетельство Плутарха (*Moral.* 184b) об обязательстве Аттала II передать власть сыну Эвмена, когда тот достигнет надлежащего возраста. Как представляется, дать стопроцентно надежное объяснение происхождению Аттала III источники не позволяют⁵⁸, но версия Д. Огдена, согласно которой Эвмен II создал фикцию о происхождении Аттала III исключительно для поддержания имиджа сплоченной, любящей, моногамной фамилии (p. 206), кажется наименее вероятной⁵⁹.

Говоря о династии Атталидов, Д. Огден несколько раз употребляет малопонятное, никак им не объясняемое выражение и отдающее явной модернизацией определение *bourgeois marriage* (p. 201–202 – брак Аттала I и Аполлониды; p. 206 – *bourgeois family* – о пергамской династии вообще)⁶⁰. Видимо, он подразумевает под ним нечто вроде «мезальянса» –

⁵³ См. также: Allen R.A. *The Attalid Kingdom. A Constitutional History.* Oxf., 1983. P. 183. № 15.

⁵⁴ Габелко О.А. *Династическая история...* С. 100.

⁵⁵ Д. Огден оставляет без внимания, как это словоупотребление может сочетаться с его идеей о происхождении Аттала III от наложницы: ведь в этом случае Эвмен все равно был бы его природным отцом?!

⁵⁶ Köpp F. *De Attali III patre* // RhM. 1893. Bd. 48. S. 154–157.

⁵⁷ Необходимо подчеркнуть, что возрастные характеристики тех или иных исторических лиц в трудах античных авторов часто бывают крайне неопределенны.

⁵⁸ Пожалуй, наиболее вероятным все-таки следует считать вариант, согласно которому Эвмен II действительно не мог определить, являлся ли Аттал (III) его сыном или же сыном его брата; отсюда проистекают и его колебания в определении статуса наследника, и все спорные моменты последнего периода существования династии.

⁵⁹ Остается загадкой, в чем состояло отличие пергамской государственности от «обшешалинистической», согласно нормам которой сыновья царя от наложниц вполне могли считаться законными претендентами на престол. Кроме того, Атталу III ни в одном источнике не инкриминируется незаконнорожденность или низкое происхождение, хотя античные авторы не скупятся на хулу в его адрес. В чем бы тогда состояла разница в статусе между ним и Аристонином?

⁶⁰ Еще раньше автор употребляет это выражение применительно к браку между Антиохом III и Эвбеей (p. 138).

женитьбы царя на женщине нецарского рода; однако при этом из поля его зрения совершенно выпадает тот эллинистический монарх, который в собственной брачно-династической политике именно таким альянсам отдавал несомненный приоритет: речь идет о Митридате VI Евпаторе⁶¹.

Наконец, главной причиной завещания Пергамского царства римлянам исследователь считает амфиметрический спор между Атталом III и Аристоником (видимо, другим сыном Эвмена II от наложницы), который, по его мнению, еще до смерти своего сводного брата поднял восстание против него и даже организовал в Синнаде свою «мини-империю», где чеканил монеты от имени «царя Эвмена» (р. 209). Не говоря о том, что последнее предположение не находит подтверждения в наиболее авторитетных исследованиях по истории восстания Аристоники⁶², можно думать, что ситуация на последнем этапе существования Пергамского царства была слишком сложной для того, чтобы было возможно адекватно объяснить действия Аттала III каким-то одним фактором (т.е., следуя Огдену, стремлением любой ценой разрешить амфиметрический кризис).

Переходя к общей оценке работы Д. Огдена, остановимся прежде всего на тех моментах, которые вызывают несогласие с авторской позицией. Не может не вызвать удивления то обстоятельство, что Огден полностью и будто бы даже целенаправленно игнорирует богатейший материал источников, связанный с эпирским⁶³, каппадокийским⁶⁴ Понтийским и вифинским царскими домами, причем никак не оговаривая это обстоятельство: таких династий для него словно бы и не существует вовсе. Единичные упоминания отдельных событий из истории этих правящих домов не меняют общей картины.

Между тем, специальная работа может быть посвящена рассмотрению под заявленным Д. Огденом углом зрения деятельности лишь од-

⁶¹ См. в этом отношении весьма интересную работу: Гуленков К.А. Ориенталистическое и эллинистическое в семье Митридата VI // *Античность: общество и идеи*. Казань, 2001. С. 71–83.

⁶² См., например: *Mileta Chr. Eumenes III. und die Sklaven. Neue Überlegungen zum Charakter des Aristonikosaufstandes* // *Klio*. 1998. Bd. 80. Hft. 1. S. 47–65.

⁶³ По вопросам династической истории Эакидов в эпоху эллинизма можно обратиться, например, к работе Я. Зайберга и фундаментальной монографии П. Кабана: *Seibert J. Op. cit.* S. 100–103; *Cabanès P. L'Épire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaine (272–167 av. J.-C.)*. P., 1976. P. 39–74. Краткий и достаточно сумбурный очерк матримониальной политики Пирра присутствует в книге С.С. Казарова (*Казаров С.С. Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире*. Ростов-на-Дону, 2004. С. 258–260).

⁶⁴ Рассказ Диодора о конфликте между сыновьями Ариарата IV Евсевия Митридатом/Ариаратом V и Ороферном (Diod. XXXI.19.7) исследователь рассматривает только в рамках матримониальной политики Селевкидов и уклоняется от высказывания собственного мнения по вопросу о том, были ли они родными братьями (склоняясь, кажется, к тому, чтобы отнести вражду между ними к категории амфиметрических конфликтов). Между тем, в статье Л.-М. Гюнтер, которую Д. Огден мельком упоминает (*Günther L.-M. Kappadokien, die seleukidische Heiratspolitik und die Rolle der Antiochis, Tochter Antiochos' I* // *AMS*. Bd. 16. *Studien zum antiken Kleinasien-III*. Bonn, 1995. S. 47–61), вполне убедительно, как представляется, доказывается, что Ариарат и Ороферн являлись родными братьями. Соответственно, династическая история эллинизма обогащается еще одним «неамфиметрическим» кризисом (причем весьма масштабным, приведшим даже к узурпации власти в Каппадокии и вмешательству в ход конфликта других государств).

ной такой яркой фигуры, как Митридат VI Евпатор Понтийский⁶⁵ (здесь, кстати, также имеется пример конфликта между родными братьями, завершившегося смертью одного из них – устранение Евпатором Митридата Хреста⁶⁶).

Аналогичный пример братоубийства (причем даже двойного!) содержит история Вифинии: его совершил второй вифинский царь Никомед I, который, согласно Мемнону, «был для своих братьев не братом, но палачом» (Frag. 12.6)⁶⁷. В Вифинском царстве трижды происходили и типично «амфиметрические» смуты: между детьми Никомеда I от двух браков (завершившаяся победой старшего сына, Зиэла), между Никомедом (будущим Никомедом II Эпифаном) – сыном Прусия II и Апамы, сестры Персея Македонского, и детьми его мачехи – дочери или сестры фракийского царя Диэгила⁶⁸, и, наконец, между сыновьями Никомеда III Эвергета – Никомедом IV Филопатором и Сократом Хрестом⁶⁹. Последний случай заслуживал бы особого упоминания и потому, что матерью Сократа, судя по всему, была наложница Никомеда Эвергета (не учтенная в соответствующем досье исследователя, помещенном в той части книги, которая посвящена куртизанкам – р. 278–281). Там же, где Д. Огден волей-неволей затрагивает эти сюжеты, выходящие за рамки, которых он придерживается, он допускает даже довольно грубые фактические ошибки⁷⁰.

Анализ всех этих сюжетов мог бы существенно обогатить книгу и либо дать автору дополнительный материал, подтверждающий его взгляды, либо (что более вероятно) заставить его несколько скорректировать последние – если бы он оказался к этому готов. В частности, напрашивается вывод, что, во-первых, причины династических кризисов эллинистического мира нельзя сводить только к амфиметрическим смутам; во-вторых, самые жестокие усобицы в эллинистических державах отнюдь не всегда происходили между единокровными, но не родными братьями – достаточно вспомнить конфликт между Селевком II и Антиоком Гиераксом, поставивший Селевкидское государство на край гибели; наконец, даже и амфиметрические кризисы были присущи отнюдь

⁶⁵ Что отчасти проделано в упомянутой ранее работе: *Гуленков К.А.* Указ. соч.

⁶⁶ См. об этих событиях, например: *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. С. 123–127.

⁶⁷ Данная фраза, пожалуй, заставляет воздержаться от предположения (вполне в духе самого Д. Огдена; см. выше его замечание о конфликте сыновей Кассандра) о том, что дети Зипойта происходили от его браков с разными женщинами, хотя теоретически это, разумеется, вполне допустимо.

⁶⁸ Никомед вступил в конфликт со своим отцом Прусием, но поводом к этому стало решение последнего «передать власть детям, прижитым им от мачехи Никомеда» (Just. XXXIV.4.1). Можно не сомневаться, что сводные братья Никомеда были им убиты, как и его отец.

⁶⁹ См.: *Габелко О.А.* История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 376–382.

⁷⁰ Так, Д. Огден пишет: «Доказывалось, будто бы Апама, которая стала женой Прусия II Вифинского, была ее (Стратоники – первой жены Деметрия II Македонского. – О. Г.) дочерью и матерью Эпифана Никомеда, хотя последнюю лучше считать дочерью Филиппа V» (р. 179). Со второй частью высказывания спорить не приходится, а что касается первой, то таких исследований, где высказывалась бы столь странная мысль, попросту не существует, ибо предполагаемая дочь Стратоники и супруга Прусия II принадлежали к разным поколениям. Стратоника погибла в 230-х гг. до н.э., еще не будучи старой (Jos. С. *Arion*. I.206–207) (считаем, соответственно, сколько лет могло быть ее дочери), а женитьба Прусия II состоялась в 170-х гг. до н.э.

не только македонским державам и потому не могут быть целиком объяснены династическими традициями, сложившимися якобы уже при Теменидах/Аргеадах⁷¹.

Будучи увлечен анализом чисто амфиметрических противоречий, английский историк зачастую не принимает во внимание функционирования в различных эллинистических государствах конкретных политико-правовых норм и институтов, существенным образом воздействовавших на возникновение и развитие династических кризисов, но с амфиметрическими конфликтами никак не связанных (или имеющих к ним лишь косвенное отношение; см. частично выше в разделе о династии Лагидов касательно значения династического культа Птолемея). Таков зафиксированный в Эпире оригинальный механизм разделения власти между враждующими представителями династии⁷². Такова же, видимо, природа всех названных выше кризисов в истории Вифинского царства – в них можно усмотреть как присутствие института, напоминающего фракийскую *парадинастию* и также связанную с ней возможность дробления страны на несколько полу/самостоятельных доменов⁷³, так и влияние (видимо, институционально оформленное) на ход событий сильной племенной аристократии, порою ограничивающей центральную власть⁷⁴. Сходные же политико-правовые нормы, судя по всему, имели место в структуре монархической государственности Каппадокии⁷⁵. Так что реальная действительность политической жизни эллинистических монархий выглядит, пожалуй, намного более сложной, нежели это представляется английскому исследователю.

Возможно, Д. Огден мог бы возразить на это замечание, что все данные примеры не связаны целиком и непосредственно с собственно македонской политической традицией, анализу которой он отдает несомненный приоритет; однако, на наш взгляд, это указывает на некоторую ограниченность его методического подхода, восходящего, возможно, к концепции Н. Хэммонда⁷⁶ (даже с утрированием некоторых ее положений) и не учитывающего того обстоятельства, что, как уже неоднократно было показано выше, эллинистическая государственность не была прямым продолжением македонской, а представляла собой более сложное синтетическое явление даже в тех державах, которые возглавлялись македонскими династиями. Работа Д. Огдена может также считаться наглядным проявлением еще одной тенденции, весьма характерной (но вряд ли плодотворной!) для современных западных исследований по истории эллинизма, в которых приоритетное внимание уделяется великим

⁷¹ Кстати, весьма показательным, что во фрагменте сочинения Арриана «Вифиниака» говорится о том, что и «у фракийцев был обычай иметь много жен, чтобы от них иметь многочисленных детей» (Arg. *Bithyn. Frag.* 13 Roos = Eustath. *Comm. ad Dionys.* 322. P. 274, 37); сходным же образом Э. Кэрни объясняет возникновение полигамии у македонских царей (Carney *E.D.* Op. cit. P. 193). Так что «амфиметрические традиции» македонских династий, видимо, отнюдь не уникальны.

⁷² См.: Казаров С.С. Указ. соч. С. 184–189.

⁷³ Габелко О.А. История Вифинского царства. С. 440–445.

⁷⁴ Там же. С. 446–447.

⁷⁵ См. статью в данном издании: Габелко О.А. К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов. С. 92–119.

⁷⁶ Hammond N.G.L. Op. cit. P. 281–288; наиболее подробно: Hammond N.G.L. The Continuity of Macedonian Institution and Macedonian Kingdoms of the Hellenistic Era // *Historia*. 2000. Bd. 49. Hft 2. P. 141–160.

эллинистическим державам, тогда как более мелкие «полуварварские» монархии занимают периферийное место в системе научных интересов антиковедов.

Очевидно, монография Дэниэла Огдена вполне наглядно иллюстрирует то обстоятельство, что на сегодняшний день одному исследователю, насколько бы широко он не был образован и эрудирован, сложно на одинаково высоком уровне анализировать материалы, связанные с разными эллинистическими государствами и различными периодами их истории, а тем более претендовать на создание теоретических построений всеобъемлющего характера. Времена универсалов в антиковедении прошли (разве что за исключением действительно выдающихся специалистов, коих во всем мире насчитывается не так много), и на основании проведенного анализа причислить к ним Д. Огдена едва ли возможно. Из этого убеждения и проистекает общая оценка его монографии. Работа английского исследователя производит двойственное впечатление: сформулированная им концепция «амфиметрических» кризисов, безусловно, может объяснить некоторые критические моменты политической и династической истории эллинизма – но только именно «моменты» и лишь «некоторые»; при пользовании же ею как неким универсальным инструментом, применимым к любому эллинистическому государству (как, видимо, это считает возможным и оптимальным сам Д. Огден), представляются неизбежными малообоснованные, а то и попросту ошибочные выводы.

**IVAN A. LADYNIN (MOSCOW), OLEG L. GABELKO (KAZAN),
YURIY N. KUZMIN (SAMARA)**

**A NEW CONCEPT OF THE HELLENISTIC DYNASTIC HISTORY?
THOUGHTS ABOUT THE BOOK OF D. OGDEN
(OGDEN D. POLYGAMY, PROSTITUTES AND DEATH. THE HELLENISTIC
DYNASTIES. LONDON; SWANSEA: DUCKWORTH – THE CLASSICAL
PRESS OF WALES, 1999. XXXIV, 317 P.)**

The paper is intended to give a critical analysis (somewhat exceeding the scope and the tasks of a normal review) to the concept of the Hellenistic dynastic history postulated by Dr. Daniel Ogden of the University of Exeter, Great Britain. His book claims to give an exhaustive picture of the subject covering in its first part aspects of the dynastic history of the archaic Argeadai (before Alexander the Great), of Alexander's reign, of Cassander's and Lysimachus' families, of the Ptolemies, the Seleucids, the Antigonids, and the Attalids (the second part of the book dealing with the "Hellenistic royal courtesans", i.e. quite a different subject, is left without special consideration, though it seems that the scholar tends to overestimate the importance of those concubines in the Hellenistic times).

The general thesis of D. Ogden is the importance in the Hellenistic dynastic history of the so-called "amphimetric conflicts", i.e. the claims of kingship by royal sons from different wives of the same king, provided the Macedonian dynastic tradition was originally polygamous. However, the formal character of the Argeadai polygamy is rather doubtful ("an easy attitude to

divorce” might be a much better description of the situation); at the same time a great part of the “amphimetric conflicts” summed by D. Ogden belong to the transitions of power inside the Argeadai family from Amyntas III to the late 4th century B.C., *i.e.* a very limited and specific part of the Argeadai dynasty. As for the situation of Alexander’s time, Ogden ignores the Oriental character of Alexander’s marriages making it impossible to consider them a part of Macedonian tradition; for the dynastic history of the *diadochoi* time he pays no attention to the sacrosanct character of the Macedonian monarchy (as shown by N.G.L. Hammond), which made it initially a prerogative of the Heraclid dynasty of Temenidai/Argeadai and caused the early Hellenistic claimants of kingship to try to join it through marriages with Alexander’s relatives (attempts by Perdiccas, Ptolemy, Lysimachus and Antigonos to marry Alexander’s sister Cleopatra, Cassander’s marriage to his half sister Thessalonike).

For the Ptolemaic history D. Ogden postulates a theory of consanguineous marriage as a mean to avoid the “amphimetric conflict” (once occurred between Ptolemy Ceraunus and Philadelphus); this theory is deflated by the plain fact that the child of a consanguineous marriage inherited the kingship only once throughout the Ptolemaic dynasty (Ptolemy V Epiphanes of Ptolemy IV and Arsinoe III; another consanguineous royal marriage – of Ptolemy II and Arsinoe II Philadelphoi – gave no offspring). Not unusual for a classicist, D. Ogden claims the Ptolemaic consanguineous marriage (confined to the two examples above and therefore to meager to constitute a real dynastic practice) to be based on native Egyptian antecedents (those dating back to the New Kingdom, *i.e.* about a millennium before the epoch in question and by far not doubtless as for themselves). Ogden’s idea about the legitimating marriage to a predecessor’s wife, with the case of Cleopatra II (the widow of Ptolemy VI Philometor) and Ptolemy VIII Euergetes II as its sole example, is contradicted by the eventual brutal conflict between those consorts.

For the Seleucid history the worst mistake by D. Ogden is his idea that the outbreak of the Third Syrian War was caused by an “amphimetric conflict” between Seleucus II Callinicus and the Ptolemaic heir of Antiochus II deliberately provoked by Ptolemy II. The very fact that the Ptolemaic marriage and inheritance of Seleucid throne allowed by Antiochus II could be a result of some duress from Ptolemaic side is improbable; this situation was rather a result of some agreement between the two dynasties thought necessary by Antiochus II. The levirate legitimacy of several Seleucid kings shown by Ogden could have been inspired by the Elamite influence borrowed via Achaemenids. The idea of later Seleucids’ “legitimating marriages” to Ptolemaic princesses is most improbable: those ladies brought to their husbands not so much the prestige and the status (badly needed sometimes to themselves) but rather real military assistance.

As for the Antigonid history, Ogden’s idea on a special (higher than normal) position of royal concubines at that Hellenistic court is doubtful. For the Attalids of Pergamum Ogden’s idea of Attalus III being a son of concubine seems improbable.

Summing up the impression of Ogden’s study one would say his attempt to delineate a general concept of the Hellenistic dynastic history governed by the “amphimetric conflicts” and their avoidance was no suc-

cess. This idea is contradicted by specific facts; generally, it is not wise to explain all the Hellenistic dynastic tradition as a direct continuation of the archaic Argeadai heritage. The scholar failed to see in a number of collisions (the antecedents, the course and the consequences of the Third Syrian War; the events of Antiochus VII imprisonment by the Parthians) the effects of a very probable agreement on the inviolability of the leading Hellenistic dynasties founded by *diadochoi*. At the same time, he omitted the material of too many minor Hellenistic kingdoms (Epirus, Pontus, Bithynia, Cappadocia), which does not allow to consider his approach really comprehensive.